

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ОРДЕНА ТРУДОВОГО КРАСНОГО ЗНАМЕНИ
ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ

ИСТОРИЯ И КУЛЬТУРА ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
ГЛАВНАЯ РЕДАКЦИЯ ВОСТОЧНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
МОСКВА 1983

ИСТОРИЯ И КУЛЬТУРА ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ В СВЕТЕ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ

Памятники искусства

А.Д. Грач

ЦЕНТРАЛЬНАЯ АЗИЯ КАК ИСТОРИКО-АРХЕОЛОГИЧЕСКИЙ РЕГИОН

Вопрос об определении понятия "Центральная Азия" имеет два основных взаимосвязанных аспекта - географический и историко-культурный. Центральная Азия представляет собой регион, характеризующийся совершенно определенными географическими признаками и являющийся зоной распространения вполне специфичных археологических и историко-этнографических комплексов.

Многолетние археологические исследования в Монголии, Туве и Забайкалье позволяют представить общую картину распространения в Центральной Азии основных археологических культур, характерных для этого историко-культурного региона.

Мы не рассматриваем здесь проблемы исследования каменного века Центральной Азии, однако необходимо подчеркнуть, что огромный вклад в дело поиска и интерпретации памятников древнейшего человека был внесен акад. А.П.Окладниковым и его школой - советскими и монгольскими археологами¹. Результаты этих открытий привлекли заслуженное внимание мировой науки.

Эпоха бронзы пока является трудноинтерпретируемым периодом истории Центральной Азии. Известно, что с территории Монголии происходит значительное число вещей карасукских типов. Трудную и очень нужную работу по систематизации этих вещей провели советские археологи-монголоведы В.В.Волков и Э.А.Новгородова². В распоряжение исследователей древней истории и археологии Центральной Азии попали и первые комплексы с карасукским ин-

вентарем: в Туве, на могильнике Куйлуг-Хем I, обнаружено погребение с "хвостатым" ножом и лапчатой подвеской; в урочище Биче-Оймак открыта стоянка эпохи бронзы с весьма насыщенным культурным слоем³; одно из древнейших погребений на территории МНР открыто в Баян-Ульджинте (район Чойбалсана) — по мнению А.П.Окладникова и В.Е.Ларичева, это погребение (первоначальная поза, по-видимому, сидячая) относится к эпохе бронзы или к концу неолита⁴.

К эпохе бронзы относится большая часть курганов монгул-тайгинского типа, широко распространенных в Туве, Северо-Западной и Центральной Монголии⁵ и подразделяющихся на следующие основные варианты: МТ-I — погребения в валунно-плитовых камерах, сооруженных внутри наземных сооружений каменных курганов, имеющих крепиду или внешнее кольцо; МТ-IIa — погребения в неглубоких ямах с каменным обрамлением или без него и плитовым перекрытием под уплощенными наземными сооружениями округлой формы с крепидой; МТ-IIб — также же погребения, но под курганами подчетырехугольной формы со столами по углам; МТ-IIв — также же погребения под курганами округлой в плане формы из валунов и обломков горных пород с крепидой; МТ-III — погребения в каменных ящиках подчетырехугольной формы под курганами округлой в плане формы из валунов и обломков горных пород; МТ-IVa — погребения вблизи древней поверхности с обрамлением из каменных плиток под курганами округлой в плане формы, относящимися к типу так называемых курганов на "платформах" или к херексурам с внешним кольцевым ограждением; МТ-IVб — погребения в неглубоких грунтовых ямах под курганами округлой в плане формы из валунов и обломков горных пород с внешним подквадратным ограждением. Положение погребенных во всех вариантах памятников монгул-тайгинского типа — на боку с подогнутыми ногами, ориентировка — головой на В, СВ.

Основания для датировки памятников монгул-тайгинского типа дают находки вещей карасукского облика на могильнике Бай-Даг III и многочисленные факты перекрыва-

ния алды-белъскими курганами раннескифского времени погребений варианта МТ-Па, установленные при раскопках в Центральной Туве. Раскопки памятников монгул-тайгинского типа в Монголии проводились В.В.Волковым, который отметил их идентичность тувинским объектам⁶.

К эпохе бронзы относятся ранние хронологические группы петроглифов, открытых в начальном участке Саянского каньона Енисея, в урочищах Мугур-Саргол и Чинге, — многочисленные личины жрецов-шаманов и колесницы.

В раннем железном веке на территории Центральной, Южной и Восточной Монголии и в Забайкалье широкое распространение получила культура плиточных могил⁷. Памятники эти стали известны науке еще в ХУ в., когда в бассейнах рек Уда и Онон их впервые увидели участники академических экспедиций Д.Мессермидт и Г.Миллер. По классификации Г.П.Сосновского, плиточные могилы подразделяются на три основных типа: 1 — четырехугольные ограды с высокими угловыми камнями; 2 — четырехугольные низкие оградки, окруженные плоским каменным наземным сооружением; 3 — уплощенные каменные сооружения, имеющие возгнутые стороны и обрамленные по краям невысокими плитами. Применительно к территории Монголии В.В.Волковым выделяется еще один тип — четырехугольные в плане могилы с высокими стенками. Погребения находятся в неглубоких грунтовых ямах, положение — вытянутое на спине, ориентировка — головой на В, СВ.

Верхняя и нижняя хронологические границы этой наиболее восточной культуры скифского типа пока не вполне ясны. Очевидно, однако, что, поскольку западной границей этой культуры является Хангайский хребет, а в Западной Монголии и Туве плиточные могилы не встречены, носители культуры плиточных могил заселяли особый, весьма обширный ареал, не смешиваясь с ареалом культур скифского типа Западной Монголии и верхнего Енисея.

Одним из наиболее примечательных открытий в области центральноазиатской археологии, сделанных за последние полтора десятилетия, является обнаружение яркой и свое-

образной группы памятников раннескифского времени в Туве. Памятники эти объединяются в алды-бельскую культуру⁸. Первые неграбленные комплексы алды-бельской культуры были раскопаны на могильнике Хемчик-Бом II, у места впадения р. Хемчик в Енисей.

Конструкция и погребальный обряд алды-бельских курганов: наземные курганные сооружения из камня, форма в плане округлая, курганы располагаются, как правило, парами, вплотную друг к другу, имеются крепиды; под каждым курганным комплексом — от I-3 до 6-7 одиночных в большинстве своем погребений в каменных ящиках или небольших срубках, в центре — главные погребения, вокруг них, как правило, — погребения младших возрастных категорий. Положение погребенных — скорченное, на левом боку, ориентировка — головой на З, СЗ, С.

Комплекты инвентаря, обнаруженные в известных к настоящему времени алды-бельских погребениях: удила со стремечковидными окончаниями и другие предметы конского убора, зеркала с бортиком, кинжалы с почковидными гардами и другие серии предметов, сочетающихся с произведениями развитого скифского звериного стиля.

Царским курганом алды-бельской культуры является курган Архан, исследованный в 1971-1974 гг. в Уюкской долине Тувы археологической экспедицией Тувинского научно-исследовательского института языка, литературы и истории под руководством М.П.Грязнова и М.Х.Мавнай-Сола⁹. Памятник этот представляет собой грандиозное по масштабам царское захоронение, содержащее более 160 сопроводительных захоронений коней. Авторы раскопок датируют курган УШ-УП вв. до н.э.

Открытие памятников алды-бельской культуры не только включило Центральную Азию в число регионов, где протекали процессы формирования важнейших элементов, характеризующих культуру скифского типа, но и заставляет обстоятельно пересмотреть многие проблемы скифской археологии Великого пояса степей в целом.

На протяжении скифского времени этническая карта Центральной Азии претерпевала изменения: с течением вре-

мени алды-белыцы утратили свое доминирующее положение и были вытеснены из пределов Центральной Азии носителями саглынской культуры.

Памятники саглынской культуры¹⁰, открытые в Туве и Северо-Западной Монголии и датирующиеся У-Ш вв. до н.э., резко отличаются от алды-бельских по конструкции погребальных сооружений, обряду и комплектам сопроводительного инвентаря. Форма саглынских курганов - округлая в плане, наземные сооружения - каменно-земляные, имеются внешние ограды подчетырехугольной (реже - округлой) формы, под курганами залегают на значительных глубинах (от 1,5 до 4 м) срубные усыпальницы подчетырехугольной в плане формы, ориентированные сторонами на СЗ, СВ, ЮЗ, ЮВ или по странам света. В камерах-срубах - коллективные погребения, положение погребенных - на левом (реже - на правом) боку с подогнутыми ногами, ориентировка - головой на СЗ, З.

Наиболее замечательные памятники этой культуры расположены в высокогорной долине Саглы (отсюда и название культуры) - Саглы-Баги II, IU, UI, Духерлиг-Ховузу I, Даган-Тэли¹¹ - и неподалеку от оз. Убса-Нур - Улангомский могильник, исследованный советскими и монгольскими археологами¹². Саглынские комплексы содержат шедевры изобразительного искусства, выполненные в скифском зверином стиле, - произведения, получившие в наши дни новую жизнь и экспонировавшиеся на ряде международных выставок - в Японии (Осака), США (Нью-Йорк, Лос-Анджелес), Франции (Париж), Италии (Венеция), Чехословакии (Прага), Польше (Варшава), Югославии (Белград), Англии (Лондон).

В скифское время на скалы Центральной Азии интенсивно наносились изображения, скопления которых представляли собой открытые святилища кочевых племен¹³. Петроглифы скифского времени, время создания которых определено путем сравнения с надежно датированными предметными сериями, подразделяются на ряд групп: изображения оленей, горных козлов и лосей с поджатыми ногами и сопутствующие им фигуры; изображения горных козлов и ма-

ралов в позе внезапной остановки; изображения горного козла в прыжке; изображения крылатых животных; изображения маралов с древовидными рогами, хищников и сцены терзания, триквестры.

Являясь весьма надежным и показательным источником по установлению историко-культурных связей, петроглифы Центральной Азии документируют связи с территориями Средней Азии, Казахстана и Южной Сибири.

На северной границе котловины Больших озер Монголии обнаружена целая группа монументальных культовых сооружений древних кочевников. Все они представляют собой храмы солнца древних кочевников. Самый большой из них - Улуг-Хорум, исследованный в Саглынской долине, диаметр по внешнему кольцу - 63 м, диаметр центрального наземного сооружения по крепиде - 28 м при весе в 1540 т. 32 перемычки-"спицы", тянущиеся от внешнего ограждения к центральному сооружению, придают комплексу вид солнца, как бы расшатавшегося в степи. Гигантское солнечное колесо Улуг-Хорума и обнаруженные на камнях обкладки изображения скакунов араванско-айрымачтауского типа, комбинирующиеся с фигурами горных баранов и козлов, ставят этот интереснейший памятник в круг солярных культовых представлений древнеиранской ойкумены.

Обнаруженные в степях Монголии и Забайкалья стелы с изображением животных и вещевых реалий - так называемые оленные камни - являются исключительно важным источником по истории Центральной Азии¹⁴. Нижняя хронологическая граница их распространения пока не вполне ясна (очень возможно, что они появились еще в эпоху бронзы), однако ясно, что во множестве их соорудили в скифское время. Можно предполагать антропоморфный характер этих памятников; отчетливо прослеживается их связь с солярным культом (оленные камни устанавливались в центральных сооружениях солнечных храмов древних кочевников).

Памятники гунно-сарматского времени отражают бурную историческую эпоху сложения в Центральной Азии крупных и своеобразных объединений кочевников - объедине-

ний государственного типа. Данные нарративных источников позволяют составить отчетливую картину смены гегемонии различных этнических объединений.

Памятники гунно-сарматского времени встречены практически на всех территориях центральноазиатского региона. Всемирную известность приобрели курганы Ноин-Улы, раскопанные П.К.Козловым в 1924–1925 гг. Памятники, представленные на территории Забайкалья, подразделяются исследователями на два основных типа – суджинский (в гробах, помещенных внутри срубов) и дарестуйский (в гробах)¹⁵.

Курганы гунно-сарматского времени в Туве подразделяются на следующие основные историко-культурные группы¹⁶: захоронения ноин-улинского (суджинского) типа, курганы улуг-хемской культуры, содержащие скорченные погребения в плитовых ящиках под небольшими каменными курганами округлой формы (памятники эти датируются последними веками до нашей эры), курганы кок-эльского типа – каменные наземные сооружения, под которыми погребения в гробах, в том числе курганы-кладбища, где под общим наземным сооружением, состоящим, по-видимому, из периодических пристроек, расположено по нескольку десятков погребений, датируются рубежом нашей эры, положение погребенных – вытянутое на спине, ориентировка – преимущественно головой в западном направлении¹⁷.

На территории Монголии и Забайкалья¹⁸, а также, по-видимому, и в Туве кочевники соседствовали в эту эпоху с жителями оседлых поселений.

Собственно хунские курганы археологически установлены вполне определенно на территории Монголии (Ноин-Уха)¹⁹, Забайкалья (Ильмовая падь)²⁰ и Тувы (Бай-Даг II)²¹. Это четырехугольные каменные курганы со стенками, к которым с ЮЗ примыкают трапецевидные пристройки, являвшиеся, как это установлено П.К.Коноваловым, обрамлением и перекрытием дромосов. Под главными сооружениями глубокие, до 5,5 м, могильные ямы, на дне которых гробы внутри срубов (стенки гробов обкладывались фигурной золотой и серебряной фольгой), положение погребенных – вытянутое на спине, ориентировка – головой на СЗ.

О погребениях собственно хуннов сохранились описания древних хроник. Сыма Цянь, характеризуя погребальный обряд синну, писал в своих знаменитых "Исторических записках": "Для похорон употребляют внешний и внутренний гроб, золото и серебро, но не насыпают могильных холмов, не сажают деревьев..." (перевод В.С.Таскина)²². В переводе Н.Я.Бичурина это место из Сыма Цяня выглядит следующим образом: "Покойников (здесь имеется примечание Н.Я.Бичурина о том, что речь идет о похоронах хана. — А.Г.) хоронят в гробе; употребляют наружный и внутренний гробы; облачение из золотой и серебряной шурты и меховое, но обсаженных деревьями кладбищ и траурного одеяния не имеет"²³.

В.С.Таскин, критически пересмотревший перевод Н.Я.Бичурина, обращает внимание на существенное упущение старого перевода — отсутствие указания на то, что не насыпаются могильные холмы. Предлагаемый В.С.Таскиным вариант перевода основывается на том, что в ранних текстах встречается выражение "бу фэн бу шу", употребляемое в связи с описанием погребальных обычаев китайцев, и отсюда "фэн" значит "насыпать земли для образования могильной насыпи". Не входя в разбор находящихся вне пределов нашей компетенции собственно китаеведных вопросов, отметим, что В.С.Таскин делает из своего ценного уточнения перевода неожиданный вывод: Сыма Цянь якобы утверждал, что "могила синну лишена внешних признаков"²⁴. При этом В.С.Таскин заключает, что в таком случае ближе всего "по тину" к могиле синну известный Оглахтинский могильник, случайно найденный в 1902 г., и приводит свидетельство А.В.Адрианова о том, что при поисках погребений этого могильника "приходилось ходить взад и вперед по ровному склону, выстукивать землю, не будет ли слышно пустоты, разглядывать характер неровностей и состав земли"²⁵. Из всего этого делается вывод о якобы существовавшем у хунну, так же как и у европейских гуннов, а также монголов, обычае не обозначать и, более того, скрывать место захоронения.

Между тем очевидно, что эти заключения никак не согласуются с действительными археологическими фактами. Во-первых, погребения таштыкской культуры (заметьте, кстати, что это вовсе не погребения хунну), как это известно на основании многочисленных наблюдений, имели внешние признаки. Даже сейчас, спустя около двух тысячелетий после их сооружения, внешние признаки могут быть прослежены, и речь может идти только о том, что сооружения претерпели сильное и вполне естественное воздействие времени. Тот же Оглахтинский могильник демонстрирует археологические внешние признаки памятников, что видно уже из описания А.В.Адрианова ("... характер неровностей и состав земли"). Во-вторых, собственно хуннские погребения – курганы ноин-улинского (суджинского) типа – имеют внешние признаки. Здесь следует еще раз подчеркнуть важность уточнения перевода, сделанного В.С.Таскиным: археологически подтверждено, что у хуннов действительно не существовал обычай насыпать могильных холмов из земли – в Ноин-Уле, у подножия Бай-Дага, в Забайкалье мы видим наземные сооружения хуннских захоронений из камня, а вовсе не могильные земляные холмы.

Итак, за исключением собственно хуннов, пока трудно судить об этническом отождествлении остальных групп памятников гунно-сарматского времени. Между тем разрешение сложной проблемы соотношения этнических группировок, упомянутых в нарративных источниках (например, сяньби-тоба и дхуаньцы), с остальными выявленными группами археологических памятников составляет весьма актуальную исследовательскую задачу. Один из наиболее перспективных аспектов в этом направлении – разработка более детальной хронологии памятников. Первые данные для установления относительной хронологии памятников гунно-сарматского времени уже получены – это факты совершения впускных захоронений кок-эльского типа в курганы ноин-улинского (суджинского) типа (могильник Бай-Даг II).

Погребения хуннов – захоронения в четырехугольных курганах с трапецевидными пристройками, многие важные

детали которых столь достоверно описал Сыма Цянь, — встречены только в пределах центральноазиатской ойкумены (Монголия, Тува, Забайкалье). Сооружения эти не имеют пока аналогий среди памятников среднего Енисея, Казахстана и Средней Азии. Тамтыкские погребения Минусинской котловины и усуньские погребения Казахстана и Средней Азии демонстрируют явное своеобразие. Поэтому вопрос об археологической характеристике собственно хуннского этноса, двинувшегося на запад, остается пока открытым. Соответственно неясен и вопрос об удельном весе собственно хуннов в той гигантской подвиге азиатских племен, которая в течение столетий привела к тому, что громадные орды кочевников в 375 г. появились у стен боспорских городов, а затем кочевники под водительством "бича божьего" Аттілы потрясли основы Римской империи.

Древнетюркское время (VI—X вв.) составляет единый по историческому содержанию период древней истории Великого пояса степей, в том числе и Центральной Азии, — это узловое эпоха первоначального этногенетического оформления тюркоязычных народов, расселяющихся ныне в Центральной Азии и Сибири, в Казахстане, Средней Азии и на более западных территориях.

В археологическом отношении древнетюркское время²⁶ материально характеризуется памятниками, документирующими возникновение и бытование на очень широких территориях и у разных этнических групп тюркоязычных племен общих форм оружия, конского убора, украшений, сосудов и т.д.²⁷. Древнетюркская культурная общность и в то же время этнолокальность определенных областей характеризуются погребальным обрядом. Одной из наиболее ярких форм погребений древнетюркского времени явились курганные захоронения с конем, получившие затем распространение на далеких западных территориях Великого пояса степей.

Древнейшим способом погребения у центральноазиатских тюрков была кремация: обряд трупосожжения господствовал до первой половины VII в. н.э., кремационные остатки по-

мещались в кольцевые выкладки, при которых в оградках были установлены каменные стелы. Памятники этого типа встречены во многих районах Центральной и Северо-Западной Монголии, в районах Центральной, Западной и Южной Тувы²⁸.

Центральноазиатские курганные погребения древнетюркского времени распадаются на следующие основные хронологические группы: VII–VIII вв. (погребения с сопроводительными захоронениями коней, ориентация по длинной оси – с В на З); VIII–IX вв. (погребения с сопроводительными захоронениями коней, ориентация по длинной оси – с С на Ю); IX–X вв. (погребения без коней, но с деталями конского убора, ориентация по длинной оси – главным образом с С на Ю). Положение погребенных во всех случаях – вытянутое на спине, ориентировка – головой на В и С.

Центральная Азия явилась родиной ритуала, связанного с установкой древнетюркских каменных изваяний: статуи, изображающие воинов, являются одной из характернейших частей центральноазиатского археологического колорита²⁹. Древнетюркские изваяния, найденные в Монголии, Туве и на Алтае, четко подразделяются на две хронологические группы – VII–VIII и VIII–IX вв. н.э. Первая группа представлена изваяниями, установленными при поминальных оградках с рядами камней–балбалов, вторая группа – изваяния без оградок и, как правило, без оружия. Из Центральной Азии обычай установки статуарных поминальных изображений распространился на территорию Средней Азии³⁰ и далее на запад, где в более поздние времена получили распространение знаменитые половецкие каменные изваяния³¹. В итоге новейших исследований установлен один из крайних западных районов распространения центральноазиатских поминальных комплексов древнетюркского типа: комплексы эти были недавно открыты на Украине, в Провальской степи на территории Донбасса³².

Погребальные и поминальные комплексы высшей знати тюркских каганатов занимают особое место в исследовании археологических и историко-культурных памятников Центральной Азии: памятники эти получили особенно широкую

известность в мировой науке главным образом благодаря открытию древнетюркских рунических текстов на каменных стелах, установленных в память и в честь выдающихся деятелей тюркской кочевой империи — принца Кыль-Тегина, кагана Бильге, их советника "премудрого" Тонъюкука и др.

Начавшееся археологическое исследование этих комплексов позволяет составить представление об их конструктивных и обрядовых особенностях³³: это остатки поминальных храмов, ориентированных длинной осью с В на З и имеющих подчетырехугольную в плане форму; стены храмов были покрыты расписной штукатуркой, на которой, судя по сообщениям письменных источников, была и сюжетная роспись. На В от храмов тянулись длинные ряды камней-балбалов, в рядах этих были и каменные статуи (окончания рядов балбалов всегда поворачивают влево). Стелы с мемориальными текстами устанавливались в пазах специальных постаментов, сделанных в виде черепаш. В пределах комплексов имелись мемориальные скульптуры: например, на комплексе Кыль-Тегина встречены скульптуры, интерпретируемые как изображения самого принца и его жены. Наличие этих скульптур не противоречит, с нашей точки зрения, существованию обряда установки статуй, изображавших главных врагов покойного.

Обследование орхонских памятников, проведенное нами в 1968 г., позволяет заключить, что в той же долине Кошо-Найдам, где открыты погребальные комплексы Бильге и Кыль-Тегина, имеются затянутые почвенным слоем аналогичные объекты. Это позволяет считать, что ресурс памятников, по типу идентичных уже известным, вовсе не исчерпан и будущие раскопки приведут к открытию новых архитектурных остатков, статуарных памятников и находящихся ныне под землей стел с руническими текстами.

Одной из характернейших для древнетюркского времени категорий источников являются своеобразные петроглифы, представляющие собой тамгообразные изображения горных козлов³⁴. Изображения эти обнаружены во множестве пунктов Монголии и Тувы, "тиражи" их нанесения были необычайно высоки. Центральная Азия является родиной этих

изображений, а прототипы их можно видеть на навершиях, венчающих знаменитые орхонские памятники – стелы в честь Билге-кагана и Кюль-Тегина; такое же изображение можно видеть на стеле в Хачы-Хову, на древнетюркских изваяниях, на простых камнях-балбалах.

По мере великих миграционных движений древнетюркских племен на запад – юго-запад петроглифы, изображающие тамгу в виде горного козла, появились на скалах в горных массивах Восточного Туркестана, Казахстана и Средней Азии: они явились ярым свидетельством переселения людей, создавших этот символ – знак каганской власти, распространявшейся на все более обширные территории.

Погребения кыргызов, совершенные по обряду трупосожжения, в Центральной Азии неавтохтонны; они появились в результате нашествия енисейских кыргызов, двинувшихся из районов среднего Енисея за Саяны, разгромивших в 840 г. Уйгурский каганат и подвергших сокрушительному разорению центры оседлой цивилизации. Кыргызские погребения, оставленные в центральноазиатских долинах, в общем совпадают с чаатасами на среднем Енисее и описаниями, которые оставлены в нарративных источниках. Форма кыргызских курганов, как правило, округлая. Сооружения имеют стенки из уложенных плашмя каменных плит. В центре – остатки кремаций вместе с побывавшим в огне сопроводительным инвентарем, состоящим из предметов вооружения, конской сбруи, некоторых бытовых предметов и украшений³⁵.

Изучение погребальных памятников монгольского времени (XII–XIV вв.) находится еще на начальном этапе, однако первые шаги в этом направлении уже сделаны. Погребения местных тюркоязычных кочевников этой эпохи открыты в Туве. Под небольшими каменными курганами, в наземных сооружениях которых установлены стелы, в неглубоких грунтовых ямах – погребения по обряду ингумации, положение – вытянутое на спине, ориентировка – головой на В, СВ³⁶. Следует отметить также кладбища мусульман, открытые на Хемчике и Злегесте (погребения в подбоях, положение – чаще вытянутое на спине, ориентировка – головой на СЗ, лицом к ЮЗ, в сторону Мекки)³⁷.

Древнюю историю народов Центральной Азии нельзя рассматривать только как изолированную историю кочевников. Центры оседлой цивилизации, появившиеся еще в гуннское время, получили новое развитие в эпоху Уйгурского каганата. Многие уйгурские города-крепости — от столицы каганата Кара-Балгаса до десятков более скромных по размерам, однако достаточно внушительных городов, разбросанных на огромных пространствах Монголии и Тувы, — находились в постоянном и динамичном контакте с окружавшим их кочевым миром. Центры оседлой жизни городского типа существовали в Центральной Азии в предмонгольское и монгольское время. Одним из крупнейших центров был знаменитый Хара-Хото — столица государства Си Ся⁸⁸. Поражала современников своими размерами и кипучей жизнью столица Чингизидов — Каракорум, возле руин которого возник позднее, в 1585 г., выдающийся центр буддизма в Монголии — монастырь Эрдэни-Цэу. Проблема оседлой цивилизации Центральной Азии была в свое время поставлена Д.А.Клеменцом и вновь, уже на более широкой основе, возвращена в повестку дня советским ученым С.В.Киселевым⁸⁹.

Очень важной задачей на будущее является поиск и исследование городских кладбищ, располагавшихся где-то неподалеку от городищ: без этого не только невозможно охарактеризовать целый ряд важных сторон идеологии и культуры городского населения, без этого нельзя и сделать заключения об этническом составе этого населения:

Итак, Центральная Азия не явилась исключением из общемировой закономерности обязательного контакта и культурно-экономического взаимодействия кочевников с оседлыми цивилизациями.

Исследователи Центральной Азии начали весьма активно внедрять в программу научного поиска "археологическую этнографию". Проводимое археологическим путем исследование комплексов позднейшей истории народов Центральной Азии — памятников ХУП—ХІХ вв. — дает возможность проложить мост от этнографических объектов к древним комплексам, оставленным предками и предшественниками

современных народов. Наряду с этим исследование позднейших объектов (в частности, погребений) дает возможность познать и такие моменты культуры, быта и идеологии, которые ныне безвозвратно канули в прошлое и поэтому недоступны для чисто этнографического изучения.

Наиболее распространенным неламанским типом погребений, особенно полно изученным в Туве⁴⁰, а также в Северо-Западной Монголии и на Алтае, следует считать впускные захоронения в наземных сооружениях более древних курганов – погребения в вытянутом положении на спине, ориентировка – головой на В, СВ, с набором бытовых и культовых предметов и сопроводительными захоронениями одной или двух лошадей (под верх и вьючной).

Обычай совершать впускные погребения в наземных сооружениях более древних каменных курганов появился не только в похоронной практике тувинцев, монголов, южных алтайцев, а гораздо раньше, в гунно-сарматское и древнетюркское время. Так, известно много случаев совершения впускных захоронений носителей улуг-хемской культуры в курганы предшествующей, саглынской культуры, погребения кок-эльского типа в собственно хуннских курганах (Бай-Даг II). Одно из древнейших впускных погребений древнетюркского времени было открыто при исследовании наземного сооружения кургана-храма Улуг-Хорум. Кроме того, в редких, правда, случаях древнетюркские погребения как бы присоединялись к более древним объектам, причем камень брался с более древних сооружений; такие факты были отмечены Г.И.Боровкой и Наинтэ-Сумэ и нами на могильнике Саглы-Бажи У.

Погребения позднейших исторических периодов отражают стойкость древних традиций, устоявших, невзирая на то что Центральная Азия явилась зоной соприкосновения великих мировых религий – буддизма и ислама, невзирая на то что ламанизм в конце XVI в. быстро распространился в Монголии и на сопредельных территориях, что и привело к возникновению многочисленных монастырей и к созданию таких центров, как Эрдэни-Цау, Их-хуре (Гандантагчиндинг) и др. Несмотря на живучесть древних тра-

дий, столь явственно отразившихся, например, в погребальных обрядах, ламаизм стал крупной социально-политической силой: по данным 1921 г., только в Монголии было 747 монастырей со 100 тыс. лам в них (ныне в стране действует один монастырь — Гандантэгчинлинг — в Улан-Баторе с числом лам немногим более 100)⁴¹.

Нельзя не отметить, что современная Монголия бережно относится к сокровищам старой культуры: на архитектурных сооружениях, созданных руками народных мастеров, ведутся большие реставрационные работы, а в реставрации комплекса Эрдэни-Цэу принимала деятельное участие ЮНЕСКО.

Исследования археологических памятников разных исторических эпох с несомненностью показывают, что Центральная Азия, являясь историческим регионом первого порядка, никогда не была обособленной от общеисторических процессов, протекавших на необъятных пространствах Евразии. Так, племена Центральной Азии — носители ашды-белзской и саглынской культур, а также носители культуры плиточных могил находились в орбите важнейших исторических процессов, охвативших Великий пояс степей в скифское время, и внесли свой весомый вклад в сложение общности культур скифского типа, простиравшейся от Ордоса до Северного Причерноморья и Подунавья. Именно в эту пору в Центральной Азии впервые сошлись могучие влияния античной и передневносточной цивилизаций. Наконец, именно в эту эпоху в Центральной Азии сложился тот палеоэкономический комплекс — экстенсивное кочевое скотоводство, — который вплоть до этнографической современности составлял господствующий хозяйственно-культурный тип этого региона.

Несомненная взаимосвязанность и взаимообусловленность характеризуют исторические процессы, протекавшие на этих территориях в гунно-сарматское время. Выход на историческую арену кочевников гунно-сарматского времени привел к крушению скифо-сакского мира: в то время как на востоке образовалась хуннская держава, на западе сарматы перешли Дон и заперли скифов в пределах Крыма.

В конечном итоге процессы эти привели к так называемому Великому переселению народов, достигшему пределов Западной Европы.

В древнетюркское время раннесредневековые кочевники проложили новый степной мост от Центральной Азии до границ Византии. Сложение древнетюркских каганатов способствовало консолидации мелких этнических групп в более крупные объединения, в эту эпоху имели место миграции древнетюркских кочевников из Центральной Азии в Среднюю Азию и сложение на новых территориях предков ряда современных тюркоязычных народов.

Археологические памятники Центральной Азии дают неоспоримые свидетельства разносторонних связей с соседними и весьма отдаленными цивилизациями: в погребениях скифского времени можно видеть раковины каури и сердолик из Индии, персидские ткани и античные пастовые бусы и т.д.

История народов, населяющих ныне Центральную Азию, корнями своими уходит в глубокую древность. Центральная Азия наших дней составляет историко-этнографический регион, сложение которого отразило исторические процессы, на протяжении тысячелетий протекавшие в восточных пределах Великого пояса степей Евразии.

Примечания

¹ А.П.Окладников. Первобытная Монголия. - К вопросу древнейшей истории Монголии. Улан-Батор, 1964; он же. Новые данные по древней истории Монголии. - Олон улсын монголч эрдэмтний Их хурал, б. I. Улаан-Баатар, 1973; В.Е.Даричев. Палеолит Северной, Центральной и Восточной Азии. Ч. I. Азия и проблема родины человека (История идей и исследования). Новосибирск, 1969; Ч. 2. Азия и проблема локальных культур (Исследования и идеи). Новосибирск, 1972.

² В.В.Волков. Бронзовый и ранний железный век Северной Монголии. Улан-Батор, 1967; Э.А.Новгородова. Центральная Азия и карасукская проблема. М., 1970.

³ А.Д.Грач. Итоги и перспективы археологических исследований в Туве. - "Краткие сообщения о докладах и полевых исследованиях Института археологии АН СССР". Вып. II8. 1969, с. 45.

⁴ А.П.Окладников, В.Е.Ларичев. Археологические исследования в Монголии в 1967 г. - "Известия Сибирского отделения АН СССР. Серия общественных наук". № II. Вып. 8. 1968, с. 107-108.

⁵ А.Д.Грач. Новые данные о древней истории Тувы. - УЗТНИИЛИ. Вып. 15. 1971, с. 94-96.

⁶ В.В.Волков. Бронзовый и ранний железный век Северной Монголии, с. 46-47.

⁷ Г.П.Сосновский. Плиточные могилы Забайкалья. - Труды Отдела истории первобытной культуры Государственного Эрмитажа. Т. I. 1941, с. 273-309; Н.Н.Диков. Бронзовый век Забайкалья. Улан-Удэ, 1959; В.В.Волков. Бронзовый и ранний железный век Северной Монголии; Л.А.Евтухова, Н.Н.Терехова. Плиточные могилы Кондуйской долины. - Новое в советской археологии (Памяти С.В.Киселева). М., 1965, с. 244-248; В.Е.Ларичев. О происхождении культуры плиточных могил Забайкалья. - Археологический сборник. Вып. I. Улан-Удэ, 1959; Д.Наваян. Дорнод монголын хурлийн үе. Улаанбаатар, 1975; Д.С.Гришин. Бронзовый и ранний железный века Восточного Забайкалья. М., 1975.

⁸ А.Д.Грач. Адды-бельская культура раннескифского времени в Туве. - Соотношение древних культур Сибири с культурами сопредельных территорий. Новосибирск, 1975, с. 249-258.

⁹ М.П.Грязнов, М.Х.Маннай-оол. Курганы Аржан - могила царя раннескифского времени. - УЗТНИИЛИ. Вып. 16, с. 191-206; он же. Курганы Аржан по раскопкам 1973-1974 гг. - УЗТНИИЛИ. Вып. 17, с. 185-198; М.П.Грязнов. К хронологии древнейших памятников ранних кочевников. - Успехи среднеазиатской археологии. Вып. 3. Л., 1975, с. 9-12.

¹⁰ А.Д.Грач. Новые данные о древней истории Тувы, с. 96-98. Ср.: С.И.Вайнштейн. Памятники скифского времени в западной Туве (по материалам археологических исследований 1954 г.). - УЗТНИИЛИ. Вып. 3. 1955, с. 78-102; он же. Археологические исследования в Туве в 1955 г. - УЗТНИИЛИ. Вып. 4. 1956, с. 33-35, 39, 40; он же. Памятники казылганской культуры. - ТТКЭАН. Т.2. 1966, с. 143-184; Л.Р.Кызласов. Этапы древней истории Тувы (в кратком изложении). - ВМГУ. 1958, № 4, с. 75-89, табл. II; М.Х.Маннай-оол. Тува в скифское время (уикская культура). М., 1971; В.С.Полторацкая. Памятники ранних кочевников в Туве. - Археологический сборник. Вып. 8. Л., 1966, с. 76-102.

11 А.Д.Грач. Могильник Саглы-Бажи II и вопросы археологии Тувы скифского времени. - СА. 1967, № 3, с. 215-238; он же. Новые исследования в Саглынской долине. - АО. 1975. М., 1976.

12 В.В.Волков, Э.А.Новгородова. Археологические исследования в Монголии. - АО. 1972. М., 1973, с. 498-499; он же. Археологические работы в Монголии. - АО. 1973. М., 1974, с. 585-586; он же. Советско-монгольская экспедиция. - АО. 1974. М., 1975, с. 557-558; Д.Цэвэндорж. Уникальная находка. - "Монголия". 1974, № 4, с. 26-27.

13 А.Д.Грач. Петроглифы Тувы. I (Проблема датировки и интерпретации, этнографические традиции). - Сборник МАЭ. Т. 17. 1957; он же. Петроглифы Тувы. II (Публикация комплексов, обнаруженных в 1955 г.). - Сборник МАЭ. Т. 18. 1958; Д.Дорж. К истории научения наскальных изображений Монголии. - Монгольский археологический сборник. М., 1962, с. 45-54.

14 А.П.Окладников. Олений камень с р. Иволги. - СА. 19. 1954, с. 207-220; Н.Д.Членова. Об оленных камнях Монголии и Сибири. - Монгольский археологический сборник. М., 1962, с. 27-35; М.Х.Маянбай-оол. Оленные камни Тувы. - УЗТНИИЛИ. Вып. 13. 1968, с. 138-149; Э.А.Новгородова. Карасукские традиции в раннескифском монументальном искусстве Монголии. - Древний Восток. Сборник I. К семидесятилетию академика М.А.Коростовцева. М., 1975, с. 288-291; она же. Оленные камни и некоторые вопросы древней истории Монголии. - Олон улсын монголч эрдэмтний II их хурал, 6. I. Улаанбаатар, 1978, с. 335-338.

15 Ю.Д.Тадько - Гринцевич. Материалы к палеоэтнологии Забайкалья. - Труды Троицкосавско-Кяхтинского отделения Приамурского отдела Русского географического общества. Т. 8. Вып. 2-3. 1900; Т. 4. Вып. 2. 1901; Г.П.Сосновский. Дарастуйский могильник. - "Проблемы истории докапиталистических обществ". 1985, № 1-2; А.В.Давыдова. О классификации памятников хунну. - Ранние кочевники Средней Азии и Казахстана (Краткие тезисы докладов на конференции. Ноябрь 1975 г.). Л., 1975, с. 34-85; П.Б.Коннов. Погребальные сооружения хунну (по материалам раскопок "рядовых" могил). - Сибирь, Центральная и Восточная Азия в средние века. Новосибирск, 1975 (История и культура востока Азии. Т.3), с. 17-46; он же. Погребальные памятники хунну. Новосибирск, 1975 (автореф. дис. на соискание ученой степени канд. ист. наук).

16 А.Д.Грач. Новые данные о древней истории Тувы, с. 99-102.

17 С.И.Вайнштейн, В.П.Дьяконова. Памятники в могильнике Кокаль конца I тысячелетия до нашей эры - первых веков нашей эры. - ТТКЭАН. Т. 2. 1966, с. 185-292; С.И.Вайнштейн. Раскопки могильника Кокаль в 1962 г. (погребения казыганской и симы-чирекской культур). - ТТКЭАН. Т. 8. 1970, с. 7 - 79; В.П.Дьяконова. Большие курганы кладбища на могильнике Кокаль (по результатам раскопок за 1968-1965 гг.). - ТТКЭАН. Т. 8, с. 80-209; она же. Археологические раскопки на могильнике Кокаль в 1966 г. - ТТКЭАН. Т. 8. с. 210-288.

18 А.В.Давидова. Иволгинское городище (К вопросу о гуннских поселениях в Забайкалье). - СА. 25. 1956, с. 261-300.

19 С.А.Теплюхов. Раскопки курганов в горах Нонну-Улы. - Краткие отчеты экспедиций по исследованию Северной Монголии в связи с Монголо-Тибетской экспедицией П.К.Кошлова. Л., 1925; А.Н.Бернштам. Очерк истории гуннов. Л., 1961; С.И.Руденко. Культура хуннов и ноннулинские курганы. М.-Л., 1962.

20 П.Б.Конюх. Раскопки в Ильмовой пади. - АО. 1972. М., 1973, с. 218-220.

21 А.Д.Грач. Итоги и перспективы археологических исследований в Туве, с. 49; А.М.Мандельштам. К гуннской проблеме. - Соотношение древних культур Сибири с культурами сопредельных территорий. Новосибирск, 1975, с. 4-5.

22 Материалы по истории сыну (по китайским источникам). Предисл., пер. и примеч. В.С.Таскина. М., 1968, с. 40.

23 Н.Я.Бичурин /И.А.И.Ф./. Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. Т. I. М.-Л., 1950, с. 50.

24 Материалы по истории сыну, с. 135.

25 Там же, с. 135-136.

26 А.Д.Грач. Хронологические и этно-культурные границы древнетюркского времени. - ТС (К шестидесятилетию А.Н.Конюха). 1966, с. 188-193.

27 С.В.Киселев. Древняя история Южной Сибири. М., 1950; Л.А.Евтюхова. О племенах Центральной Монголии в IX в. (По материалам раскопок курганов). - СА. 1957, № 2, с. 205-227; А.Д.Грач. Хронологические и этно-культурные границы

древнетюркского времени; о н ж е. Древнетюркское погребение с зеркалом Цинь-вана в Туве. - СЭ. 1958, № 4, с. 18-34; о н ж е. Археологические раскопки в Монгун-Тайге и исследования в Центральной Туве (полевой сезон 1957 г.). - ТТКЭАН. Т. 1. 1960, с. 9-12, 17-40, 69-72; о н ж е. Археологические исследования в Кара-Холе и Монгун-Тайге (полевой сезон 1958 г.). - ТТКЭАН. Т. 1. с. 78, 120-143, 146-148; о н ж е. Археологические раскопки в Сут-Холе и Бай-Тайге. - ТТКЭАН. Т. 2. 1966, с. 81, 96-99, 105; Л.Р.Кызласов. Этапы средневековой истории Тувы, - ВМГУ. 1964, № 4, с. 69-74, 81-82; о н ж е. История Тувы в средние века. М., 1969; С.И.Вайнштейн. Памятники второй половины I тысячелетия в Западной Туве. - ТТКЭАН. Т. 2. с. 292-347; о н ж е. Некоторые вопросы истории древнетюркской культуры (в связи с археологическими исследованиями в Туве). - СЭ. 1966, № 3, с. 60-81; С.И.Вайнштейн, М.В.Крюков. Об облике древних тюрков. - ТС. М., 1966, с. 177-187; Д.Г.Савинков. Этнокультурные связи населения Саяно-Алтая в древнетюркское время. - ТС. 1972. М., 1973, с. 389-850; Д.И.Трифонов. Об этнической принадлежности погребений с конем древнетюркского времени (в связи с вопросом о структуре погребального обряда тюрков-туя). - ТС. 1972. М., 1973, с. 351-374; Н.Сэр-Одха. Эртний турагууд (УИ-УШ зуур). Улаан-Баатар, 1970.

28 А.Д.Грач. Древнейшие тюркские погребения с сожжением в Центральной Азии. - История, археология и этнография Средней Азии. М., 1968, с. 207-213.

29 Л.А.Евтухова. Каменные изваяния Южной Сибири и Монголии. - МИА. 1952, № 24; А.Д.Грач. Древнетюркские изваяния Тувы (по материалам исследований 1953-1960 гг.). М., 1961; Л.Р.Кызласов. О назначении древнетюркских изваяний, изображающих людей. - СА. 1964, № 2.

30 Я.А.Шер. Каменные изваяния Семиречья. М.-Л., 1966.

31 Н.И.Веселовский. Современное состояние вопроса о каменных бабах или балбадах. - "Записки Одесского общества истории и древностей". Т. 32. 1915, с. 408-440; С.А.Плетнева. Половецкие каменные изваяния. - САИ (Е4-2). М., 1974.

32 М.И.Гладких, И.А.Пислярий, А.А.Кротова, Л.С.Гераськова. Исследования на Ворошиловградчине. - АО. 1974. М., 1975, с. 268.

33 L.Jisl. Vorbericht über die archeologische Erforschung des Kül=tegin=Denkmals die tschechoslowakisch-mongolische Expedition

des Jahres 1958. - UAJ. Bd 32. №1-2. 1960; С.Г.К л я ш т о р н ы й. Древнетюркские рунические памятники как источник по истории Средней Азии. М., 1964, с. 55-76.

34 А.Д.Г р а ч. Вопросы датировки и семантики древнетюркских тамгообразных изображений горного козла. - ТС. 1972. М., 1978, с. 316-338.

35 Л.А.Е в т ю х о в а. Археологические памятники енисейских кыргызов-хакасов. Абакан, 1948; Л.Р.К ы з л а с о в. История Тувы в средние века, с. 97-129; Л.Г.Н е ч а е в а. Погребения с трупосожжением могильника Тора-Тал-Арты. - ТТЭАН. Т. 2, с. 108-142.

36 Л.Р.К ы з л а с о в. История Тувы в средние века, с.160-168; В.А.Г р а ч. О погребальных памятниках монгольского времени в Туве. - УЗТНИИЯЛИ. Вып. 17. 1975, с. 219-226.

37 Л.Р.К ы з л а с о в. История Тувы в средние века, с.160-161.

38 /П.К.К о з л о в./ Монголия и Амдо и мертвый город Хара-Хото. Экспедиция Русского географического общества в нагорной Азии П.К.Козлова.1907-1909. М.-Пг., 1928; Е.И.К ы ч а н о в. Очерки истории тангутского государства. М., 1968.

39 С.В.К и с е л е в, Л.А.Е в т ю х о в а, Л.Р.К ы з л а с о в, Н.Я.М е р п е р т, В.П.Л е в а ш е в а. Древнемонгольские города. М., 1965; С.И.В а й н ш т е й н. Средневековые оседлые поселения и оборонительные сооружения в Туве. - УЗТНИИЯЛИ. Вып. 7. 1959, с. 260-274; о н ж е. Древний Пор-Бажи. - СЭ. 1964, № 6, с. 108-114; Л.Р.К ы з л а с о в. Средневековые города Тувы. - СА. 1959, № 3, с. 66-75.

40 В.П.Д ь я к о н о в а. Погребальный обряд тувишцев как исторический источник. Л., 1975.

41 Н.А.Ж у к о в с к а я. Этнографические исследования в МНР (Некоторые итоги и перспективы Советско-Монгольской историко-культурной экспедиции). - СЭ. 1972, № 5, с. 112.